

Александрова В. Люди и думы современной России. 33... Чеховские дни // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1944. 4 ноября. № 11879. С. 2.

Люди и думы современной России

33 . . . Чеховские дни

Полна глубокого смысла душевная потребность современной России и всего русского зарубежья, рассеянного в мире, вспомнить сейчас Чехова, подуть над ним в связи с исполнившимся этим летом 40-летием со дня его смерти.

Недавно полученные здесь советские газеты, посвященные чествованию памяти Чехова, говорят о том, что чествование это приняло очень широкий характер. Правда, на чествовании лежал кое-где не-Чеховский официальный отпечаток. Но и сквозь сухость чувствовалось, как близок и дорог этот писатель современной России.

В связи с Чеховской годовщиной правительство вынесло целый ряд постановлений по увековечению памяти писателя: решено «воздвигнуть монумент» Чехову в Москве и в Таганроге и поставить бюст в с. Медихове, переименовать Малую Дмитровку в Москве в улицу Чехова, открыть в Москве Государственный музей Чехова, присвоить имя Чехова Таганрогскому драматическому театру, Звенигородской районной больнице, в которой Чехов работал врачом и фельдшером, в Александровске-на-Сахалине; постановлено также учредить стипендию име-

ни писателя в ряде учебных заведений: в Московском университете, в Ленинградском, в школе-студии им. Немировича-Данченко, в Таганрогском педагогическом институте, в Александровском педагогическом училище, издать полное собрание сочинений, установить памятные доски на всех домах, где жил Чехов.

15 июля в Большом театре под председательством наркома просвещения Потемкина состоялось торжественное заседание, посвященное памяти Чехова, на котором, кроме Потемкина, выступили писатели Тихонов и Леонов и близкие друзья Чехова: артисты О. Книппер-Чехова и И. Москвин. «Счастлива литература, имеющая таких предков!» — воскликнул в заключение своей речи Л. Леонов. После собрания на могиле Чехова в Новодевичьем монастыре были возложены венки от артистов Художественного театра, различных представителей общественности и от Красной Армии. Майор Ярустовский от имени бойцов и офицеров Красной Армии сказал здесь на могиле, что «книжки Чехова — неизменный спутник фронтовиков. Их читают в перерывах между боями, на привалах, в блиндажах и окопах».

Множество городов (Ленин-

град, Архангельск, Тула, Горький, Киев, Казань и др.) отметили 40-летие Чеховскими выставками, собраниями, докладами, спектаклями. Среди них нужно выделить вечер в Ялте, на котором выступала сестра Чехова — Мария Павловна, заведующая здесь Чеховским Домом-музеем. Она рассказала огромной аудитории о своей работе за все 40 лет и о том, как трудно приходилось во время немецкой оккупации. М. П. Чехова награждена сейчас орденом Трудового Знамени.

Интересны статьи-вспоминания современников Чехова. Много маленьких, но ценных и теплых черт рассеяно в воспоминаниях Т. Щепкиной-Куперник (в «Московском Большевику», в «Литературе и Искусстве», в «Известиях»). «В доме Чеховых меня поражало одно, — пишет Щепкина о своем посещении Чехова в Медихове, — откуда у этой семьи, начавшей жизнь в провинции, в мещанской обстановке и бедности, явился такой огромный вкус, а главное, такое благородство и изящество? Ни одной вещи не было в доме, которая резала бы глаз, ничего показного, никакой мишуры: какое-то внутреннее достоинство чувствовалось как в самих Чеховых, так и в их обстановке». Ценны в воспоминаниях писательницы отрывки из «Дневника» отца Чехова о жизни в Ме-

дихове. Чеховское искусство — так много сказать в одной короткой фразе — писатель, может быть, унаследовал от отца.

О младшем поколении современников Чехова, в провинции не имевших счастья лично быть знакомыми с писателем, но изучавших его в кружках (и даже учивших его наизусть) рассказал писатель К. Тренев (в «Известиях»).

В. Тройнов поделился в «Литературе и Искусстве» воспоминаниями о встрече с Чеховым в Москве. Однажды автор встретился с поэтом Белоусовым и Чеховым в одном ресторане. Разговор зашел о литературе. Чехов доказывал, что никакая форма и вычурность не спасут писателя, если он не прочувствует задуманного. «Тем сколько угодно — добавил Чехов — могу продать вам по пятачку за пару». Легким движением он коснулся лба, бросил взгляд в глубь зала, где играл оркестр, на минутку, о чем-то задумавшись и вдруг сказал: «Вот обратите внимание — слева сидит пожилой, облезлый скрипач. Он рассеянно перевернул ноты и, видимо, сфальшивил. Я ничего не смыслю в бемолях, терциях и прочих крючкообразных существах, населяющих музыкальный мир. В данном случае я сужу по зловому взгляду дирижера и по резким движениям палочки, направленной в сторону скрипача. Вот опять! Со скрипачем что-то случилось... Вы, как поэт, предполагаете, что он страдает за унизительное искусство: божественного Моцарта преподносят как приправу к кушаньям. Я думаю проще: у него зубная боль или

сбежала жена. В довершение всяких бед, возможно, его сегодня же выгонят из оркестра. Дома — нужда, клопы, а когда он разучивает мелодии, под окном воет дворовая собака. Подставьте под свои наблюдения определенные величины, и вот вам готов рассказ или повесть — это уж как вам Бог на душу положит».

С. Дурылин в «Правде» рассказал о премьере «Вишневого сада», на которой он видел Чехова. Тяжело больной уже, писатель через силу, но стоя, принимал приветствия артистов и актеров. На его усталом и исхудалом лице была мягкая, теплая улыбка. «В этой улыбке писателя, мы, тогдашнее молодое поколение, видели то же, что слышали в пьесе, восторженно нами принятой: привет новой жизни, привет к ней». Верно замечание Дурылина, что Московский Художественный Театр одел для Чехова то же, что в свое время сделал Малый театр для Островского — он показал, что «явился новый великий драматург, раскрывший жизнь с новым проникновением в ее неисчерпаемую силу и красоту»... Можно только пожалеть, что Художественный Театр в эти дни не мог получить то, что вся страна, вероятно, встретила бы с радостным одобрением: что он не был переименован в Театр имени Чехова...

Чехову было всего 44 года, когда он умер. Если бы не злой недуг, он мог бы дожить до наших дней. Может быть, сознание этого и вызывает потребность думать и говорить о Чехове, как о живом. Но есть и еще что-то в явлении Чехова, что

заставляет каждого беречь память о нем, как о живом, не отдавать его истории литературы. Может быть, в этой потребности бессознательно говорит то же чувство, которое владело когда-то Чеховым, когда в 1901 г. опасно заболел Толстой. Чехов очень боялся как бы Толстой не умер. «Знаете, — говорил он Б. Лазаревскому, — есть люди, которые боятся делать гадости, только потому, что жив еще Толстой».

Что же было, что есть в Чехове такого, с чем никому не хочется расстаться? Лучше всех выразил это Горький в своих «Воспоминаниях»:

«Мне кажется, писал Горький, — что истинный человек при Антоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой, и я не раз наблюдал, как люди сбрасывали с себя быстрые наряды, шипящие фразы, модные слов и все прочие дешевые штуки, которыми русский человек, желая изобразить европейца, украшает себя, как дикарь раковинами и рыбьими зубами. Антон Павлович не любил рыбьи зубы и петушиные перья. Вся жизнь Антон Павлович прожил на средства своей души, всегда был самим собой, был внутренне свободен». И Горький тут же приводит пример такого непосредственного воздействия Чехова на своих собеседников:

Однажды к Чехову пришел сельский учитель с длинным, желтым, голодным лицом и унылым басом стал говорить: «Из подобных впечатлений бытия на протяжении педагогического сезона образуется такой психологический конгломерат, который

абсолютно подавляет всякую возможность объективного отношения к окружающему миру». И вдруг негромко и ласково Чехов спросил его: «А, скажите, кто это в вашем уезде бьет ребят?». Собеседник завопил, заплакал, запрыгал, забыв все свои ученые слова о конгломератах и просто заговорил о страшной и голодной жизни деревенского учителя. Прощаясь с Чеховым, он сказал ему: «Шел я к вам, будто к начальству, — с робостью и дрожью, надулся, как индейский петух, хотел показать вам, что, мол, и я не лыком шит, а ухожу вот — как от хорошего близкого человека, который все понимает. Великое это дело — все понимать! Спасибо вам! Иду. Уношу с собой хорошую, добрую мысль: крупные-то люди проще и понятливей, и ближе душой к нашему брату, чем все эти мизеры, среди которых мы живем. Прощайте, никогда не забуду вас». «Пос у него задрогнул» — замечает Горький, — губы сложились в добрую улыбку и он неожиданно добавил: А, собственно говоря, и подлецы — тоже несчастные люди, чорт их возьми!

Страшные события войны принесли миллионам людей неисчислимые страдания. Но они не только не убили в людях потребности в правде, в человечности, но как-то особенно обострили чуткость к ним. Вот отчего в воспоминаниях, и на Чеховских вечерах по всей стране «юбилейная» часть потонула в искреннем желании просто погреться в атмосфере Чеховского вдумчивого, теплого внимания к человеку.

В. Александрова